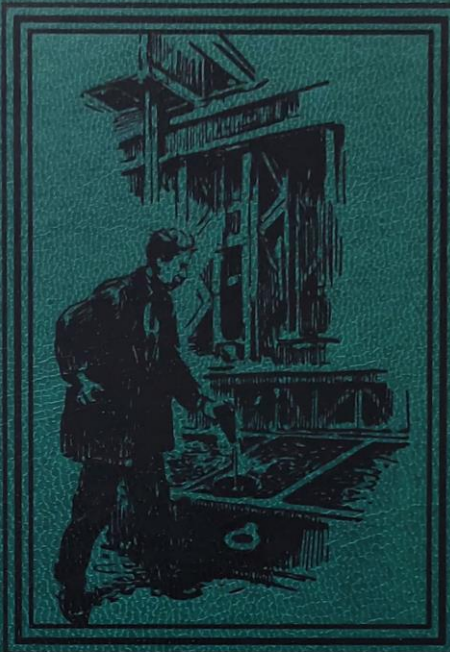

ЕВГЕНИЙ ВОЕВОДИН
ЭДУАРД ТАЛУНТИС
*
ТВЕРДЫЙ СПЛАВ

ЕВГЕНИЙ ВОЕВОДИН
ЭДУАРД ТАЛУНТИС
ТВЕРДЫЙ СПЛАВ

СМЕРШ

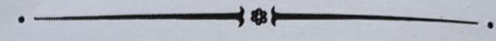

НИЖНИЙ НОВГОРОД
НИЖНИЙ НОВГОРОД
НИЖНИЙ НОВГОРОД

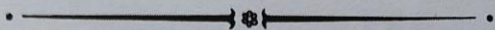
НИЖНИЙ НОВГОРОД
2016

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

НИЖНИЙ НОВГОРОД
2016

ЕВГЕНИЙ ВОЕВОДИН
ЭДУАРД ТАЛУНТИС

ТВЕРДЫЙ СПЛАВ

СМЕРШ
2016

ЕВГЕНИЙ ВОЕВОДИН
ЭДУАРД ТАЛУНТИС

СОВСЕМ НЕДАВНО...

*Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1954*

*Художники
А. Лурье и Т. Ксенофонов*

ПРОЛОГ

1

Из-за высокого крашеного забора доносились веселые голоса, смех, потом кто-то запел песню, ее подхватили, и прохожие на улице, улыбаясь, смотрели в сторону забора:

— Молодежь работает. Воскресник.

Там разбирали развалины дома, одну из последних руин, оставшихся в городе. Каждые полчаса машина, доверху груженная битым кирпичом, изуродованными взрывом трубами, проржавевшими и погнутыми остовами кроватей, выезжала из ворот в заборе. Звенели ломы и кирки, разрушая остатки стены нижнего этажа, и чем меньше оставалось битого кирпича, кусков известки, тем веселее становились голоса и бодрее песня.

Она подняла кирку и начала отваливать кирпичи. Острый клюв кирки легко раскалывал их. Валя, немного успокоившись, тоже принялась долбить слежавшиеся обломки, как вдруг снова отскочила и, споткнувшись, села боком на выступ стены, глядя расширенными от страха глазами на что-то вроде ремешка, выбившегося из-под развалин. Кате стало не по себе. Она нагнулась. Это был, действительно, ремешок — серый, почти истлевший. Концом кирки Катя потянула его, и он лопнул. Тогда Катя начала разгребать осыпь, и Валя, так и застывшая на месте, услышала спокойное:

— Полевая сумка.

Валя осторожно приподнялась, взглянула и попыталась улыбнуться; улыбка вышла кривой и робкой, — девушка все еще боялась.

— У Вороновой тоже трофей, ребята! — крикнул кто-то, и работавшие разогнулись. Катя тем временем осторожно раскрыла сумку — из нее пахло сыростью и плесенью.

Уже человек десять с любопытством столпились вокруг:

— Листки какие-то... Да ты осторожней... Может, тебе помочь?..

Из сумки высыпались плотно слежавшиеся, желтые, ломкие листки бумаги. Катя успела подхватить их. И вот уже не десять, а сорок или пятьдесят человек собрались вокруг; задние лезли повыше, опираясь на плечи передних, и кричали:

— Да разверни же, покажи!

Первая бумажка оказалась конвертом. Невозможно было прочесть на нем ни адреса, ни фамилии адресата. Конверт хрустнул и развалился в Катиных руках, когда

Но на этот раз уйти не удалось. Теперь по борту, по трубе, по палубе разлился голубоватый, мутный свет, и Лавров почему-то подумал, как они выглядят сейчас с берега: наверно, немцы видят только темное пятно, впрочем, достаточно большое для того чтобы открыть стрельбу...

Там не ожидали, что буксир подойдет так близко, и первые снаряды легли вдалеке, вздыбив островерхие фонтаны. Немцы стреляли беспорядочно: невозможно было в тумане вести прицельную стрельбу, взять судно в «вилку». «Может, проскочим, — подумалось Лаврову. — Теперь они будут переносить огонь. Значит...» Значит, надо было резко сворачивать влево и идти мористее.

В это время на берегу вспыхнул еще один прожектор и сразу скрестил на буксире свой луч с первым. Словно дожидаясь только этого света, с визгом пронесся снаряд и упал в воду, окатив палубу ледяной водой. Лавров стиснул зубы. Второй и третий снаряд легли совсем у борта, и «Резвый» бросило в сторону. Треска Лавров не слышал, что кричал ему механик, — тоже не было слышно за грохотом. Однако буксир все еще шел, и Лавров даже усмехнулся, меняя курс.

Что-то липкое и теплое стекало по руке Лаврова. Он поднес руку к глазам: она показалась ему почти черной от крови. Боли Лавров не ощущал; стало быть, та очередь из автомата задела старика. А он все шептал, быстро, скороговоркой, словно боясь не досказать всего:

— Зареченская, два. Подвал... Передай нашим, пятеро прошли... Ну, иди, иди...

Лавров поднял его; старик уже не мог стоять. Собирая последние силы, Лавров кое-как взвалил его на себя и понес; прошел шагов тридцать и упал сам, поднялся снова, немного пронес старика, все еще не в силах осознать того, что тот ему сказал.

Когда он — в который раз — попробовал взвалить старика снова на себя, то почувствовал, что старик обмяк; приложив ухо к его груди, Лавров не услышал стука сердца. Все-таки он потащил его дальше, не веря тому, что человек, у которого он даже не успел узнать имя, — умер.

Лавров оставил его в небольшой балке, через которую пришлось переползать, уложил его, уже похолодевшего, на холодной сырой земле и, встав, начал карабкаться наверх. Бумажка, сунутая за пазуху, прилипла к телу, он прижимал ее к себе левой рукой, как величайшую драгоценность, не зная, что это за бумажка.

Здесь снова память изменила ему. Лавров не помнил, как очутился в подвале и откуда взялась девушка, давшая ему воды. Ее лицо он не сумел рассмотреть в полумраке. Девушка сказала, тихо и ласково:

Лавров не помнил, как очутился в подвале и откуда взялась девушка, давшая ему воды.

чилось болото, и теперь люди шли между корабельных сосен, спотыкаясь о корневища, переползали через поваленные бурей или снарядами — не разобрать — мощные стволы деревьев. И чем дальше они уходили, тем больше в воздухе пахло гарью; тяжелый этот запах войны и страдания перемешивался с запахом хвои и грибной плесени — запахом русской осени. Где-то в вышине протянул невидимый косяк диких гусей, и долго еще слышно было призывное: «Гонк-гонк-гонк»... А люди все шли и шли, падали, поднимались и снова шли. Лавров увидел, что упала Катя, и он нагнулся к ней, поднял, понес. А потом и у него вдруг пересохло во рту, закружилась голова, и, кажется, сам он опустился рядом с Катей на землю, окончательно теряя сознание...

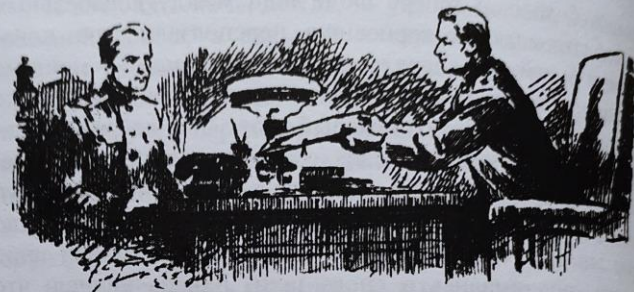
Лавров очнулся только через два дня.

Первое, что он попросил, — это позвать кого-либо из начальства госпиталя. Комиссару госпиталя он рассказал все и внимательно перечитал запись своего рассказа.

Но комиссар не дошел до кабинета следователя: попав под бомбежку, он спрятался в подворотню дома, бомба угодила в дом, — комиссар был убит, его нашли и похоронили там, где стоит теперь над братской могилой мраморныйobelisk.

А сумка с записями рассказа Лаврова была обнаружена двенадцать лет спустя.

★ ★ ★

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Курбатов завязал тесемки у папки и поднялся. Потом, вспомнив, что он сегодня в форме, вернулся к столу и положил дымящуюся папиросу на край пепельницы.

Генерал ожидал его. Залетавший в полуоткрытую форточку мягкий, по-весеннему свежий ветерок перебирал разложенные перед генералом листки. Курбатов узнал свое донесение: страницы были помечены синим карандашом.

— Садитесь, майор. — Генерал, нахмурившись, просматривал последние листки. Неожиданно он взглянул на Курбатова, улыбнулся, и лицо его, в крупных темноватых морщинах, также неожиданно помолодело. — Я с удовольствием прочитал ваш доклад... Действовали смело, решительно и... — здесь генерал сделал паузу, исподлобья глядя на сидевшего перед ним Курбатова. — Да, да, не смущайтесь!.. Отсюда закономерность успешного выполнения задания. Что ж, приятно, Валерий Андреевич, очень приятно...

женные на голове волосы, она заплакала еще громче и недержаннее.

3

Над городом занимался рассвет. Серый, мутный квадрат окна, всю ночь неподвижно лежавший на полу, начал постепенно светлеть, ожил и пополз вглубь кабинета. Словно на проявляющейся фотобумаге, на полу появились линии, пока еще расплывчатые, незаметно переходившие в белесые пятна. Потом эти линии стали расширяться, их окраска — темнеть. Теперь они отчетливо пересекали квадрат окна, и Курбатов увидел перед собой на полу ясный отпечаток рамы, перекладин и даже маленького форточного крючка.

Был тот утренний час в то удивительное время года, когда весенняя ночь, кажется, не имеет ни начала, ни конца, когда сиреневое блеклое небо, кажется, только приподнимается над домами, пропуская в город бледное нежаркое солнце, и белая ночь становится таким же ласковым, мечтательным, чуть голубеющим днем.

Курбатов потянулся быю к окну, чтобы взглянуть в этот час на город, на его матовые крыши, на молочные

— Ну что ты, глупая? Ну перестань, девочка, перестань, все уладится. Даже если твоя вина — поймут, простят...

Совсем по-ребячьи уткнувшись в теплое, мягкое плечо женщины, Катя продолжала плакать. И оттого, что та утешала, гладила по спине, целовала в золотистые, венком кос уло-

— В общем, все сразу свалилось... — кончила Катя. — И эта находка... Я как прочла, что рассказ какого-то старшины касается шпионов, так к вам бросилась...

— Сразу и побежали?

— Да, сразу. Ведь шпионы по вашей части?

— Значит, прочитали?

— Сознаюсь, простите уж за любопытство... Но ведь это к лучшему, не правда ли?

Курбатов помолчал, думая. Но Катя, не ожидая вопроса, продолжала:

— Мне в глаза бросилось, что говорится о Солнечных Горках. И я сразу вспомнила тот день. Уж очень он какой-то особенный был.

— Кто же тогда находился в подвале? Кого-нибудь помните? — майор хотел было оборвать ниточку Катиного рассказа, а потом решил, — пусть говорит. Он только сильнее сцепил пальцы и не сводил взгляда с лица девушки. А она опустила глаза и медленно перебирала концы шелковой косынки, накинутой на плечи.

— Кто же там был?.. Кто же?.. Честное слово, не припомнить... Соседка. Какие-то люди. Много людей... Вам ведь надо подробно? Да? — она посмотрела Курбатову в глаза и снова задумалась. — Мне тогда было только шестнадцать лет... Я никого не разглядывала. Мы ждали, с нетерпением ждали, чтобы скорей уйти. Боялись, что немцы найдут нас... Потом пришел моряк, я была около него... Нет, трудно... Сколько лет!.. Я, может, потом вспомню и скажу вам...

Курбатов понял состояние Кати, понял, что она действительно не помнит никого, кто был тогда с нею. Он

— Да, комиссии проверяли тщательно. Ошибки быть не может.

Позднышев замедлил шаг, громко хрустнул пальцами.

— Я по правде, недоволен расследованием. Слишком поверхностно все-таки.

Старик тревожно заглянул Позднышеву в лицо. Инженер продолжал:

— Конечно, поверхностно. Как-никак, этот генератор — вещь новая, сложная. Тем более, скоро на крупнейшие стройки будем работать. Вдруг чего-нибудь недоучли, не научились. Расчеты надо посмотреть. Хоть Козюкин и большой авторитет, но...

При упоминании имени Козюкина лицо бухгалтера внезапно побелело. Но Позднышев не искал глазами собеседника. Он смотрел на свои похрустывающие пальцы, погруженный в размышления.

— Вы не видели Козюкина? Где он? Хочу сам разобраться, что к чему... Да я, собственно-то говоря, уже начал.

Бухгалтер вдруг зашепел:

— Мне — в отдел. До свидания, Никита Кузьмич.

Семенящими, частыми шажками он пошел по коридору, поглаживая на ходу седой «ежик».

В цехе Позднышев был недолго, около часа, и когда вернулся, Катя сказала ему, что его спрашивали по телефону. Кто? Она не знает. Позднышев пожал плечами и сел за чертежный стол.

— Глядите, Катюша, товарищи, подите сюда! Прессы мы будем устанавливать так, чтобы...

Его оборвал телефонный звонок. Еще продолжая объяснять, как будут установлены прессы, Позднышев снял трубку и кивнул инженерам, — обождите.

с усмешкой. «Пачка двадцатипятирублевых, начата, — отметил он про себя, — рублей четыреста, не больше».

— Это, однако, пустяковые сведения... — по-прежнему не глядя на него, сказал Ратенау. — Я, не выходя из бухгалтерии завода, могу знать о том, что творится в главке. У вас колокольня повыше. Мне кажется, вы получаете много, а даете мало.

— Три года назад... — начал было Козюкин.

Ратенау перебил его:

— Забудьте о том, что вы делали три года назад. Мы должны жить сегодняшним днем.

— Вы знаете, что попытка с генератором удалась? — спросил Козюкин. — Это сегодняшний день.

Ратенау кивнул:

— Да, слышал.

— Пока вышел из строя один, комиссия сбилась с ног в поисках причин аварии. В течение месяца выйдут из строя все двенадцать, и тогда...

— И тогда, — подхватил Ратенау, — этим займется чекисты. Они придут на завод, перевернут все вверх дном и обнаружат, что начальник конструкторского бюро Козюкин вовсе не такой уж честный человек, как это казалось. Кандидат наук... член партии... воплощение критики и самокритики... Об этом вы подумали? Я предупреждал вас: портить один, а не всю серию.

— Я все обдумал, — кротко улыбнулся Козюкин. — Во-первых, серия пошла в производство по чертежам, где нет моей подписи. Я был всего лишь консультантом, и расчет обмотки... ну да эти технические подробности не для бухгалтерского уха... я писал расчет, я диктовал его соплякам-мальчишкам, а когда почтенный профессор Су-

— Кстати, где вы живете? — перебил его Курбатов. Кушелев назвал адрес, указанный в паспорте.

— Это коммунальная квартира?

— Д-да...

— Неужели вы так наивны и думаете, что мы не проверили, Кушелев? Там вы никогда не жили. Ну, продолжайте. Куда же к вам пришли?

— Пришли?.. Ладно, теперь все равно. — Он выпрямился, пальцы, сцепленные вместе, уже не ползли к тугому воротнику рубашки. — Я был связан с одной женщиной, ее звали Аней Басовой. Мы были знакомы месяц, потом она сказала мне, что я уже завербован и чтоб не рыпался, иначе она пошлет сюда, к вам, документы.

— Какие документы?

— Я... Мы веселились. Ну, выпили. Я не помню. О чем-то говорили. Что-то сунули мне подписать.

Он замолчал, собираясь с мыслями, но Курбатов торопил его:

— Дальше, дальше.

— Дальше, я жил у нее три месяца, это где-то на Приморском шоссе, я адреса не знаю. А потом она сказала мне, чтобы я поступил работать в магазин, что ко мне придут и спросят...

— Про ботинки с застёжками?

— А? Да, да, про ботинки. Мне сообщили, что если я выполню это дело, то возвратят мой документ — тот, который я подписал. Поверьте мне...

— Кто обещал?

— Она. Аня.

знающий Россию, чем он сам. Этак Найт легко спихнет полковника и сам займет кресло начальника русской группы. Нет, молодчик, видно ты отсюда уж не вылезешь, ты смертник». Найт словно уловил усмешку Хиггинса и замолк, дрожащими руками вынимая пачку папирос:

— «Беломор». Русский! Не угодно ли?

Когда какой-то мужчина переходил из одного вагона в другой, он увидел в тамбуре двух молчаливых курильщиков. Ничего удивительного, — вагон был для некурящих...

На последней перед городом остановке Найт предложил сойти с поезда и ехать в город трамваем. Так безопасней. Хиггинс рассмеялся:

— Ты все-таки заболел здесь трусостью, хотя это отнюдь не русская черта... Если я прошел через границу и живу здесь, я ничего не боюсь.

— А я все-таки... Встретимся через неделю, в девять часов на углу Красных Зорь и Морской.

Он слез с подножки и исчез в темноте, а Хиггинс, зябко поеживаясь, смотрел на косые струи дождя и на лужи, в которых тускло отсвечивали фонари. «Нет, я предпочитаю такси и мягкую постель в номере «Интуриста». Надо будет заказать в номер ужин и обязательно с водкой — чудное средство против простуды...»

Он слез в городе и пошел по перрону, обгоняя женщин с корзинками и чемоданами. На секунду он заметил лицо, показавшееся ему знакомым, уже виденным однажды; он замедлил шаг и огляделся. Этот знакомый подошел к нему справа и взял за локоть:

Они шли долго — Найт впереди, Козюкин сзади, шагах в тридцати от него, и когда Найт вошел в какой-то дом, Козюкин, сделав вид, что разыскивает нужную ему фамилию в списке жильцов, задержался еще минуты на три, а затем вошел в ту же парадную.

Когда он поднимался по лестнице, одна из дверей на площадке четвертого этажа скрипнула, приоткрылась, и Козюкин понял: сюда.

Здесь было уже трое: сам «хозяин» (его редко называли «Васильев»), «лейтенант» и съемщик квартиры, который, пожимая Козюкину руку, представился:

— Виктор Осипович.

Он греб, налегая на весла изо всех сил, стараясь умирить этим волнение, которое охватило его, чуть только он услышал свою фамилию и далекое «невеста приехала». «Неужели Катя?» — думалось ему. Милая, нежная, хорошая, все-таки приехала, и значит... Он выкидывал весла, как учили его на занятиях по академической гребле, почти ложась спиной на переднюю банку, не оглядываясь на берег; когда нос лодки с приглушенным шелестом вошел в камыши, бросил весла, завел лодку на берег и огляделся. Дневальный стоял рядом.

— До вас прийихалы, — сказал он. — Коло леса, чуе-те, где дорога на танкодром, ждут.

Лавров сначала пошел, тяжело дыша после гонки на лодке, а потом не вытерпел и побежал узкой тропинкой.

Молчание было долгим. Курбатов знал: Хиггинс нервничает сейчас, — он уже скрипнул раз или два стулом, не зная, куда ему поглядеть и куда девать руки со вздувшимися синими венами.

Ярош снова начал спрашивать: где в последний раз Хиггинс виделся с Роуленом? В Мюнхене, кажется? Роулен, очевидно, был недоволен неудачами Хиггинса в Эльблонге? Почему Хиггинса так интересовали турбины?

Нетрудно было заметить, что происходит с Хиггинсом. Задавая эти вопросы, чтобы сбить отчаянное, и по сути своей обреченное, молчание Хиггинса, Ярош видел, как он вздрагивает, продолжая играть равнодушного. Но, как в прошлый раз, когда перепуганному Хиггинсу в вопросе «поехали к ночи?» почудилось имя того, к кому он ехал, так, при слове «турбины», он вздрогнул сейчас, но, поняв, очевидно, что это может его выдать, пожал плечами и проговорил:

— Я интересовался ими потому... ну, мне было приказано ими заинтересоваться, вы же знаете, что такое приказ.

Курбатов быстро прикинул, где у нас строят турбины. Дальние города он отбросил, — у Хиггинса было командировочное удостоверение сюда, он шел к Найту и его группе, и, стало быть, задания, данные ему, могли касаться только предприятий города или области. В городе был «Электрик», в области — комбинат в Высоцке.

— Ну, «Электрик» интересовал вас, это ясно. А Высоцк, например, не входил в задание?

С минуту Хиггинс смотрел в тень, туда, где был Курбатов, ничего не видящими, остекляневшими глазами, а потом сказал глухо, устало, будто выдавливая из себя слова:

— Не надо. Садитесь, поговорим. Вы случайно не припомните, как три года назад приезжали на завод «Электрик»?

— Помню, конечно.

— А может, вспомните, как в частной беседе рассказали некоторые подробности об исследованиях в области блиндированной стали?

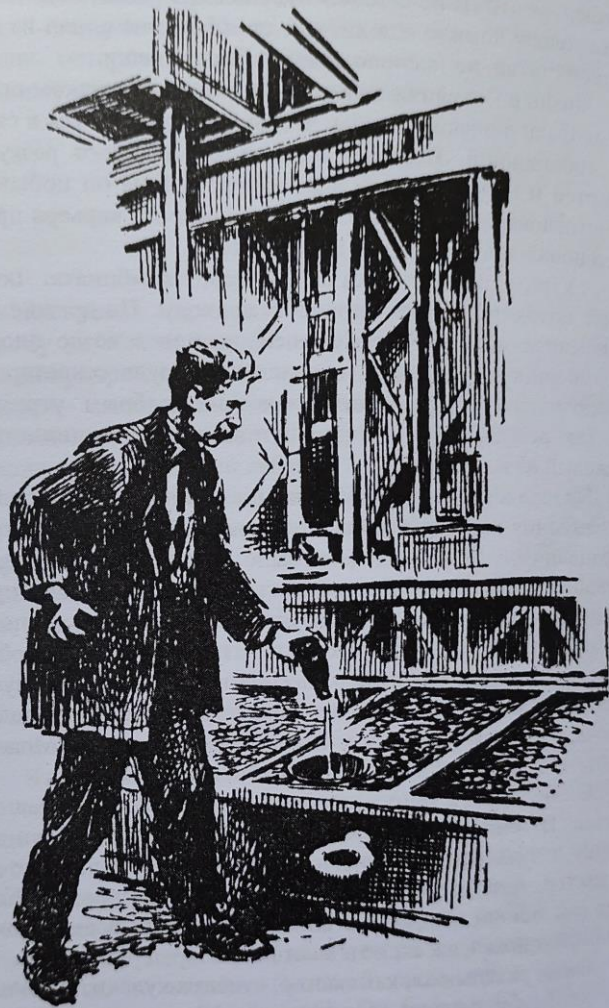
— Я не понимаю вас, — нахмурился Тищенко; у него дрогнули кончики губ, и Найт с удовольствием отметил: помнит!

— Так я это к тому говорю, что разведка... ну, как пишут, одного иностранного государства — была очень довольна этими сведениями. Теперь вы поняли меня? — Заметив, что у Тищенко сжались кулаки и он приподнялся со стула, Найт коротко бросил ему: — Сидите спокойно, иначе... — и он выразительно хлопнул себя по заднему карману брюк.

Тищенко, очевидно, испугался угрозы и сел обратно; лицо у него было именно такое, какое хотел видеть Найт, — лиловое лицо и испуганные, расширенные глаза.

— Вам, — так же ровно, словно то, что он говорил, было заучено наизусть, продолжал Найт, — вам после всех ваших передраг, мне кажется, не особенно приятно будет, если на работе узнают об этом. Так же неприятно будет вам, если в одно уважаемое учреждение придет ваша расписка в получении пятисот рублей — отнюдь не от моей тещи... Ну, и затем ваш служебный пропуск, который вы передали мне для прохода на завод. Кажется, перспектива ясная?

— Что... что вам нужно от меня? — еле прошептал Тищенко. — Я...

Виктор Осипович плеснул воду в широкое горло трубы...

вышел вслед за ним на площадку и сказал тихо и буднично:

— Не торопитесь, Найт, вы пришли туда, куда нужно.

Найт все еще спускался. Звягинцев заметил, как он торопливо сунул руку в карман пиджака, и тогда сказал громче:

— Стрелять не имеет смысла. Внизу вас ждут.

...Найт звонил не только Виктору Осиповичу. Убедившись, что тот жив и здоров, и уже дома, как ему было приказано, Найт позвонил

Козюкину, и тот сразу снял трубку, словно давно ждал этого звонка.

— Я буду сегодня у Виктора, — сказал Найт так, будто они несколько часов назад расстались, а теперь договариваются, как бы повеселее провести вечер. — Так что ты приходи и принеси картишки: сразимся в преферанс.

Козюкин понял, что Найт называл «картишками».

Он не обратил внимания на шум остановившейся внизу, у парадной, машины: это был привычный уху шум улицы. Только когда в прихожей раздалась условные звонки, он понял, что приехал «лейтенант», и поморщился, — как некстати! Вообще эти приемы на дому надо кончить: неровен час, причешут одной гребенкой.

Ольшанский вошел в комнату стремительно, не здороваясь с хозяином, и Козюкин с ужасом почувствовал, что случилось что-то непоправимое. Он пошел вслед за Ольшанским, на ходу повторяя одно и то же:

— Что?.. Что?.. Что?..

— Где хозяин?.. — выдохнул Ольшанский.

— Там... Мы с ним встречаемся... сегодня.

О том, что операция закончена успешно, Курбатов докладывал Москве сам: это было его почетное право, и генерал охотно предоставил это ему. Вот теперь Курбатов волновался, и полковник Ярош, подмигнув лукаво, спросил, когда майор повесил трубку:

— Что сердце у вас так стучит, товарищ майор?

Если б он мог крикнуть: спасибо тебе, Отчизна! Спасибо, Москва! Спасибо, мой народ, для которого я живу и работаю, за те ласковые слова, что сказаны мне. Я — твой верный слуга, один из стальной гвардии чекистов, выращенной, закаленной народом и партией...

Курбатов взволнованно отошел от стола. Генерал и полковник с улыбкой следили за ним. Курбатов обернулся к генералу:

— Но операция еще не совсем закончена, товарищ генерал? Есть еще Шредер, немецкий агент R-354.

— Мы не забыли о нем, — ответил генерал. — След Шредера обнаружен. — Он нахмурился и отошел к окну: — Стало быть, операция закончена... А борьба, товарищи... Борьба продолжается.

*Ленинград — Москва
1953—1954 гг.*

*Евг. Воеводич,
Эд. Таммунтис*

ТВЕРДЫЙ СПЛАВ

ПОВЕСТЬ

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1957

Художник Ю. Г. Макаров

1

В тот день Пылаев возвращался домой пешком, отпустив машину. Мела пурга. Откуда-то сбоку на фонари налетали миллиарды снежинок. Они вырывались из темноты, мелькали, исчезали, и Пылаеву представилось, что вот точно так же мошкара летит на свет лампы и падает, обжигая крыльшки.

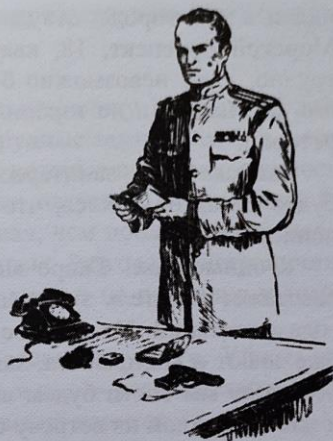
Внизу, в парадном, Пылаев долго сбивал с шинели снег, стряхивал его с ушанки, ощущая морозную свежесть, занесенную им сюда, на теплую лестницу. На втором этаже он позвонил и вскоре услышал привычный ему лязг непокорной задвижки.

Двери открыла жена, наспех поцеловала его, бросила второпях:

— Ампулы?

— Да, яд.

Подполковнику принесли горячий чай, и он, присев к столу, начал пить его мелкими глотками, обжигаясь, и все продолжал издали поглядывать на вещи, найденные у нарушителя.

Когда-то в детстве мать приучала его к терпению. Как бы ни хотелось ему в те годы делать все сразу, единым махом, Нина Георгиевна всегда останавливала его и напоминала о том, что в спешке обязательно получится что-нибудь да не так... Мало-помалу он привык к этой неторопливости, даже медлительности, — научился сдерживаться, хотя часто и потом у него, человека взрослого, закипало в душе острое, как в детстве, желание делать все с налета.

И теперь, за стаканом чая, он снова сдерживался, зная уже по долгому опыту, что первый осмотр вещей может дать многое для размышлений и выводов. Он глядел на пистолет — обыкновенный советский «ТТ» выпуска 1942 года; иностранные разведки не любят компрометировать себя. В портсигаре лежали папиросы «Беломорканал». Больше всего ему хотелось прочитать записку, но издали невозможно было разобрать, что там написано.

Чай был допит, от второго стакана Пылаев отказался. Он взял со стола паспорт и записку. Савельев, не желая мешать ему, отошел и сел на диван.

Подполковник раскрыл паспорт. С фотографии на него глядело чуть вытянутое, ничем не приметное лицо, разве что только в краешках губ лежали твердые, волевые складки. «Степанов Иван Дмитриевич, год рождения 1909, город Калуга, русский...» На второй странице штамп про-

— Простите... вы — Сергей Игнатьевич... Дробышев?

Пожалуй, за многие годы он впервые по-настоящему почувствовал, что такое семья. И всякий раз, бывая потом у Пылаевых, он неизменно уносил с собой часть того ровного душевного тепла, которым эта семья щедро делилась с ним.

И сейчас, собираясь в командировку, Шилков непременно хотел забежать к Пылаевым: что говорить, ему будет не хватать их там, в Нейске.

Он зашел к ним вечером в субботу; поезд уходил наутро. Но, войдя в прихожую, он понял, что пришел не вовремя, хотя все и обрадовались его приходу.

— Мы — в театр, — объявил ему Пылаев. — Как ты насчет развлечений?

Вопрос был задан лукаво: Пылаев отлично знал, что его бывший помощник в лучшем случае ходит в кино.

— Ну, конечно, он пойдет с нами, — заявила Нина Георгиевна. — Билет купим с рук — авось, какой-нибудь влюбленный поссорится со своей подругой и билет достанется нам.

— Идем, — решил Пылаев. — И никаких разговоров, товарищ капитан. Раз мой домашний генералитет решил — надо выполнять.

По дороге в театр женщины — мать и жена Пылаева — посмеивались над смущенным Шилковым:

— А вы бы хоть спросили, куда мы вас ведем...

— В театр, — уныло отвечал Шилков под дружный смех Пылаевых.

Вдруг Нина Георгиевна сказала серьезно:

— А я вот иду и волнуюсь. Сегодня Луизу Миллер играет моя ученица, Татаринова; господа, ведь давно ли девчонкой она была!

Она рассказала, что в четвертом классе нынешняя артистка была сорванцом, да таким, что и мальчишки не

Она села, подперев кулаком голову и держа перед собой фотографию Дробышева. Шилков видел: она волнуется. Наконец Наташа положила фотографию на стол и прикрыла глаза руками:

— Он...

Я так виновата перед ним... так виновата!..

— Вы?

В чем?..

Наташа, не говоря ни слова, выбежала из комнаты. Шилков немного растерялся: так все было неожиданно. И это «знаю», и это «виновата перед ним», и этот уход. Он подошел к открытым дверям; голоса, смех и песни за стеной стали тише. Дверь в соседнюю комнату была открыта. И Шилков увидел, что Наташа — как была, в тулупе и шерстяном платке — стоит возле пузатого комода, и оттуда летит на кровать накрахмаленное белье, полотенца, простыни...

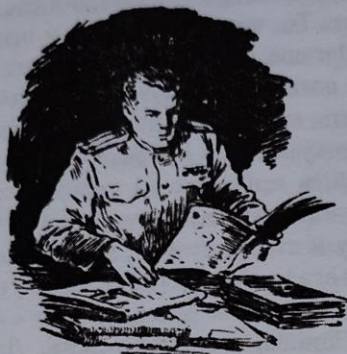
— Вот. — Она протянула Шилкову какую-то бумажку. — Он не успел...

Шилков, еще ничего не понимая, вернулся в комнату. В руках у него была записка, сложенная в несколько раз. Он развернул ее, и неровные карандашные строчки так и запрыгали у него перед глазами:

«Милые мои Оленька и Асёнка! Знаю, что вы волнуетесь за меня. Не надо. Вот получил, кажется, хоть какую ни на есть, а возможность написать вам. Идем к партизанам, будем бить врага, пока живы, в его тылу. Как вы там, родные мои? Очень, конечно, хочется мне быть с вами, но пока... Пока что впереди трудные времена. Буду драться до конца — за вас, за всех...

Оленька, очень тебя прошу, напиши родителям Трояновского, что он жив, здоров и тоже идет со мной. Он по-

Пылаев взял со стола разграфленные листы бумаги. По его срочному требованию работники адресного стола горимлиции пять дней собирали все сведения о Владимире с фамилиями на букву Т, жителях этого города, погибших или пропавших без вести в первый год войны. Сейчас Пылаев пробегал глазами фамилии: «Тихомиров... Тишкин... Томчин... Топленников... Трахтенберг... Треногов...» Он пропускал эти фамилии, лихорадочно прочитывал страницу за страницей: «Третьяков... Троицкий... Трошин...» И вот, наконец, Трояновский.

Здесь было все, что в милиции могли узнать о Владимире Викторовиче Трояновском из бумаг, хранившихся в архиве. Год рождения 1911, по образованию — инженер-металлург, место жительства — улица Звезды, 18, квартира 3. По справкам из домоуправления, пропал без вести в 1941 году; официальных сведений нет.

Как всегда в таких случаях, Пылаев спорил с самим собой. Почему ты думаешь, что от имени Владимира Трояновского, а не Владимира Тихомирова, скажем, или Трошина, или Трахтенберга шел иностранный разведчик — тот самый, которого убили на границе? Только лишь потому, что одна фамилия из списка совпала с фамилией в донесении Шилкова? Чепуха! Нечего сомневаться, это тот самый Трояновский, который был с Дробышевым: инженер-металлург. Это может заинтересовать только Шилкова.

И все же подполковнику, все больше хотелось познакомиться с семьей Трояновского и включиться в розыски Дробышева. Подсознательно, быть может, он связал брит-

подготовили в милиции.

Оставалось последнее, но не главное: узнать, Владимир ли писал эту записку или нет. Уходя от Трояновского, Пылаев унес с собой несколько писем Владимира: опытные специалисты быстро определят, его ли это почерк.

Но прежде чем уйти от Трояновского, Пылаев долго еще разговаривал с ним о Владимире, и профессор уже охотно рассказывал о работе сына над новым твердым сплавом, о его дружбе с уральским металлургом — дай бог памяти, как его фамилия?.. Пылаев подсказал: «Дробышев», и профессор удивился:

— И это вы знаете? Но в чем же тогда дело?

Подполковник ответил уклончиво:

— Мало ли плохих людей еще живет на белом свете...

Трояновский проводил Пылаева до дверей и, пожимая на прощание руку, тихо сказал:

— Я никому, разумеется, ничего не скажу. Но после того как вы кончите следствие, я могу рассчитывать...

— Портсигар? — догадался Пылаев. — Ну, конечно, мы вернем его вам.

Вечером Пылаев позвонил генералу домой. К телефону подошел Тимошка и пискливым голосом сказал: «Ал! Тимоша слушает». Пылаев засмеялся:

— Здравствуй, Тимоша. Это дядя Пылаев говорит — узнаешь? Ну, тот самый, который тебе корабли из бумаги делал. А дедушка дома?

Тимошка что-то долго соображал, пыхтел и, наконец, снова пропищал:

забормотал, смутившись, Степанов. — Вот в воскресенье возьмусь и все приберу.

Ему, когда он увидел жену, поначалу показалось, что она вернулась обратно. Сейчас он видел, что ошибся. Но зачем она все-таки пришла?

Очевидно, ей надоело ходить по комнате: она села и, улыбаясь, стала разглядывать Степанова. Она заметила, что тот похудел: наверно, обедает кое-как, в заводской столовой. У рубашки чистый, но мятый воротничок: мужчине трудно научиться гладить.

— Ты работаешь все там же, на авторемонтном?

— Да.

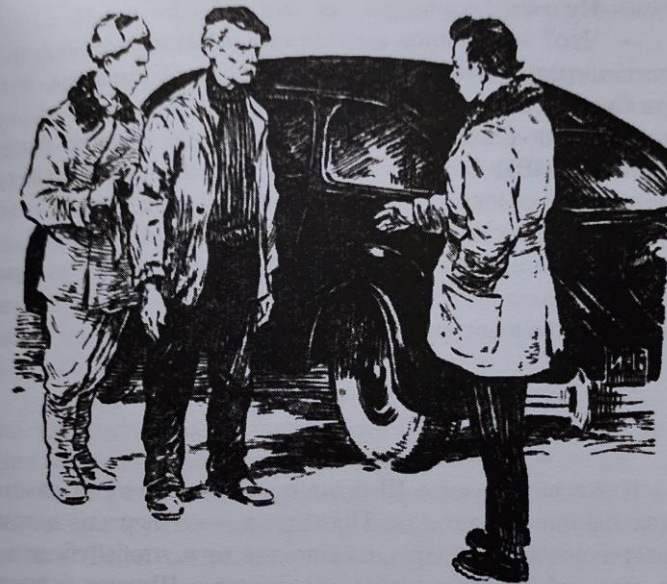
— И в должности не повысился?

Степанов молча пожал плечами. Васильева в этом не изменилась. Она всегда любила повторять: «Таким, как ты, нужна карьера. Я хочу, чтоб ты рос: сначала завод, потом главк, потом министерство. Нам хорошо будет в Москве. Там неважно с жильем, но ответработникам дают квартиры». Он не стал ни директором завода, ни начальником главка, ни министром; у него была одна комната в шестнадцать метров, тысяча двести пятьдесят рублей зарплаты да триста-четыреста премиальных за квартал, а это Васильеву не устраивало.

— Я согрею чай. Хочешь? У меня есть варенье.

Васильева снова рассмеялась:

— Чай — слишком крепкий напиток, Ваня. Нам надо было бы выпить с тобой, но... Ты же не пьешь по-прежнему? Не обижайся, но от таких мужчин, как ты, пахнет парным молоком.

— Ладно, — решил Козинов, словно не желая дальше спорить.

Они договорились о цене, о том, что через два дня придут менять крыло и, наконец, очутившись на улице, Козинов крепко выругался:

— Видал? Не знал, должно быть, Иван Дмитрич, к какому заказчику посылал...

— А он и говорил, что не знает... Откуда вы крыло возьмете?

Старик не ответил. Скользя по мостовой, он быстро пошел к трамвайной остановке. В трамвае старик все время молчал, занятый своими мыслями. Напарник осторожно тронул его за рукав:

— Дядя Матвей, мы куда?

— В автоинспекцию, дурень. Ты что, сам не видишь? Вмятина там — всего-ничего, а ему таких денег не жалко, новое крыло хочет ставить.

— Вам кажется. Борис хороший человек...

— Где это вам так не повезло, а?

Борис был бледен и прятал глаза. Чердынцев, заложив руки в карманы и покачиваясь на длинных ногах, сам подсказал ответ:

— Наверное, когда в гараж загоняли, да?

— Да, да, вы понимаете, не рассчитал и чиркнул по кирпичному углу. — Борис, поставив, наконец, бачок, стал объяснять, как он якобы загонял машину.

Он объяснял подробно, оживляясь еще больше от того, что высокий слушал его внимательно, и под конец, уже не смущаясь, размахивал руками, демонстрируя, как он выворачивал руль. Чердынцев наклонился над стенкой:

— Вот здесь примерно, да?

— Именно здесь и поцарапал. Царапина длиннее была, если бы я не останоился и не занес передок уже руками.

Чердынцев выпрямился, погладил подбородок;

— Ну, что ж, очень хорошо. Все верно. Так, так...

Он повернулся к Борису и слегка подмигнул ему правым глазом. Достав папиросы, он угостил молодого человека, затянулся сам. Помолчали. Борис успокоился. Чердынцев спичкой чистил толстый отросший ноготь. Но неожиданно Похвиснев увидел его колючий, темный взгляд исподлобья, когда художник сказал тихо и оттого особенно внятно:

— Я понимаю, это все для ГАИ... Ну, а на самом деле?

Борис, вспыхнув, опешил:

— Вы что — не верите мне? Да я...

Чердынцев почти беззвучно рассмеялся.

— Знаете ли, честно говоря, мне очень нравится то, что вы сами уже поверили в придуманное. Нет, нет, это

Фролов как бы притаился перед прыжком: «спросить?». Сдержаться ему стоило немалых усилий: «Что это даст? Если это и он — отговорится, конечно...» И он продолжал:

— Бензина хватает?

— Да, вполне. Беру талоны.

— Ну хорошо. Давайте посмотрим машину. Она у вас на улице? Загоните, пожалуйста, во двор.

Машина уже урчала в подворотне. Похвиснев уверенно, почти не сбавляя скорости, въехал во двор. Фролов поднял руку, делая знак остановиться.

— А машину вы, кажется, любите, — улыбаясь, сказал он.

Похвиснев вылез и хлопнул дверцей.

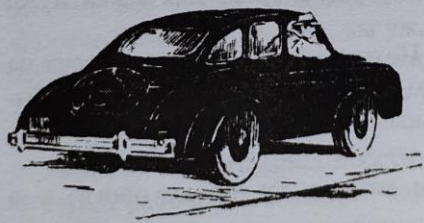
— Да, стараюсь. Блеск! — Он провел перчаткой по капоту.

— Тормоза как? Держат?

— Не жалуюсь. Хотите убедиться? — Похвиснев уже чувствовал себя хозяином положения.

— Зачем? Я вроде видел сейчас.

Фролов подумал: «Левое крыло он хотел менять. Интересно, что за царапина и вмятина». Он начал обходить машину справа, внимательно ее осматривая. Похвиснев шел рядом с ним, спокойно протирая стекла. Вот и крыло. Фролов скользнул по нему быстрым взглядом, но ничего не заметил. Он прищурился и еще раз, уже медленно, словно любуясь своим отражением, поискал глазами. Нет, ни царапины, ни вмятины не было.

— Ну, будем считать, что у вас все в порядке. — Фролов протянул Похвисневу руку. — Можете ехать. А через месяц — прошу права подтвердить. Всего хорошего!

Савченко беспомощно оглянулся...

— Так вы, видимо, должны знать, что ветер дует в том же направлении.

— Но калькулятор...

— Другой. Ничего необычного.

— Да, это я подозревал... А если такой... человек, как я, откажется работать на нового... калькулятора — что тогда?

Теперь ответа не последовало. Но по тому, как молчал Тотер, Савченко понял, что опять попал со своим вопросом в трудное положение, и торопливо поправился:

— Я это говорю безотносительно к чему-либо. Вы меня не торопите, и создается впечатление, что...

Они были в запущенном, глухом пригородном парке. Узенькими тропинками они выбрались к пруду, затянутому зеленой ряской, и Тотер, сев к воде спиной, указал Савченко на ствол поваленной ветлы: садитесь.

Они помолчали.

восьми пленках, которые Пылаев показал Фролову. Фролов напряженно ждал, но Пылаев закрыл шкафчик.

— Всё. Ну, что? Не нашел?

— Да, нет ничего интересного.

— Подождите, не спешите. Наверное, еще где-нибудь есть пленки.

Они заглянули в ящики. Фролов подумал: «Можем засветить бумагу... А-а, ладно, надо же посмотреть везде». Но

они так и не нашли больше пленок. Вдруг Фролов обратил внимание на несколько мокрых снимков, лежащих в оцинкованном баке. Туда бежала из крана струйка воды.

— Товарищ подполковник, видите — свежие отпечатки? С какого же негатива они сделаны?

— Как это мы с вами раньше не догадались? Вон в увеличителе пленка заложена.

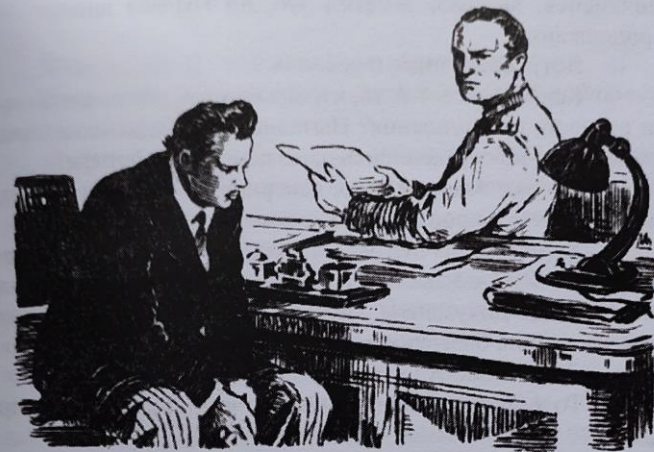
Он выдвинул рамку.

— Да, вот тут опять для вас. Ну-ка!

Фролов медленно двигал пленку перед глазами. Вот Васильева в профиль. Портрет. Она в меховой шапочке. Видно, на улице снято. Еще она... Ага, машина на дороге у заснеженных сосен. Где это они могли быть? Не поймешь... Вот еще. Васильева варежкой сбрасывает снег с какого-то камня. Камень-то вроде видел где-то. Подожди, подожди... Ведь это тот камень, возле чайной, что на развилке. Вернее не камень, а что-то вроде памятника или знака, сложенного из нескольких камней. Он такой пирамидкой сложен. Ну да, он. Значит, Похвиснев с актри-

Шиков перемахнул через сугроб и настиг беглеца.

Похвиснев тяжело, протяжно вздохнул и, делая паузы, начал рассказывать. Он говорил о том, что несколько дней назад сидел в ресторане и его соседом по столу оказался вежливый, располагающий к себе человек. Похвиснев пожаловался, что запутался в долгах и не знает, как найти выход. Собеседник вместе с ним поохал, пожалел Похвиснева, а потом сказал, что постарается помочь, то есть найти нетрудную и хорошо оплачиваемую работу.

Пылаев прервал рассказ:

— У вас много долгов? Кому вы должны?

— Я сейчас не могу всех вспомнить...

— Ну, хорошо. Дальше, пожалуйста.

— Через два дня он позвонил мне по телефону, напомнил о встрече в ресторане. Мы встретились на улице. И тут он попросил достать из сейфа документы. Я, товарищ подполковник, не хотел красть, я ему твердо заявил: «Нет, не буду!». Но он так просил, умолял даже, что я согласился. Правда, он обещал за это хорошо заплатить.

Пылаев усмехнулся одними губами и, записав это место, поставил против него маленькую «птичку»: «Наивно!»

Пылаев был в белом халате и оттого показался Шилкову ниже ростом. В руке подполковник держал «авоську» с какими-то пакетиками, и вид у него был смешной. Шилков улыбнулся, подумав, что Пылаев вовсе не был похож сейчас на подполковника и что, конечно, снабдила его этой «авоськой» Нина Георгиевна. Шилков хотел приподняться, но Пылаев испуганно зашептал:

— Ты лежи, я найду, где присесть.

Он пододвинул к кровати стул и сел, натягивая на колени халат. Сестра сложила пакетики в тумбочку и вышла.

— Ну, как ты здесь? Не обижают?

— Не-ет. Скучаю, правда.

— Брось ты мне эти жалобы. За свое здоровье ты знаешь как сейчас отвечаешь? То-то... Кормят ничего? Я даже не знаю, чего мои прислали тут...

Шилков лукаво усмехнулся: знаю я тебя, Сергей Андреевич. Небось, сам смотрел, что женщины заворачива-

Особенно рьяные болельщики свистели, кричали, подбадривали «своих» игроков. Савченко тоже, засунув в рот пальцы, оглушительно свистнул и выкрикнул только что услышанное имя. Ветер мел мелкую поземку, стучали клюшки, скрежетал лед. Оба вратаря присели в воротах, словно нахохлившиеся хищные птицы, расставив неуклюжие руки.

Вдруг зрители все как один поднялись со своих мест. Оглушительный крик прокатился по трибунам и унесся в темную даль. Гол!

Савченко неистовствовал. Он вскакивал, что-то кричал, сорвав с головы шапку, садился, толкал обоих соседей локтями. Казалось, Савченко сейчас прыгнет вниз и сам начнет гонять, подкидывать этот маленький мяч. И никто, конечно, в суматохе не заметил, как сосед Савченко справа именно в этот момент положил ему в карман два небольших пакета, завернутых в черную бумагу.

Дверь долго не открывалась. Наконец звякнула цепочка, и глуховатый голос спросил:

— Кого надо?

— Тимофея Александровича.

— Пожалуйста, он, кажется, дома.

Женщина отперла дверь и, не обращая внимания на вошедших, скрылась в своей комнате. Дворник прошел в коридор и ткнул пальцем: «Здесь». Пылаев постучал. За дверью было тихо. Пылаев постучал вторично, а потом кивнул дворнику — входите!

Хозяин комнаты полулежал на диване возле настольной лампы и читал газету. Он взглянул на дворника и протянул:

— А-а, Сидорыч, зачем пожало...

Тут человек увидел, что дворник не один. Он вскочил и, бросив газету, громко спросил:

— Вы — кто?

Пылаев протянул ему ордер, одновременно схватив его за руку, скользящую в задний карман брюк. Человек

гий труд окончен. Сотрудники центральной лаборатории, конечно, радовались не меньше, но его радость была особенной, выстраданной. Домой он вернулся почти разбитый: стариковское сердце не выдерживало волнений. Глаше пришлось вызвать врача.

О том, что плавка состоялась, Савченко узнал на следующий день, и не злорадия, не досада вспыхнули в нем, а страх. Пожалуй, теперь уж сомнений не оставалось — его «опекают». То, что плавку провели без него, тогда как Трояновский так настойчиво говорил о его непременно участии, было тому доказательством. Он растерялся. Формулы были закрыты сейчас для кого бы то ни было, наивно предполагать, что к ним может пробраться человек со стороны, хотя бы и сотрудник института. Единственный человек, который может достать формулы, — Трояновский. Но бессмысленно даже думать об этом.

Сейчас Савченко чувствовал себя и одиноким и беззащитным. Бежать? Граница недалеко, но если за ним следят, это безумие. Да и с чем он придет — он, отлично замаскированный агент, не оправдавший надежд? В разведке не любят таких сотрудников: от них избавляются просто.

Савченко старался взять себя в руки, не нервничать и взвесить все трезво. Ну хорошо: Тотера, по всей видимости, нет. Как он предполагал, «художник» живым не сдался. Значит, нет и ниточки, следа, ведущего к нему, Савченко: мертвые не говорят.

Дальше. Если бы чекисты знали что-нибудь определенное, они бы его арестовали: так спокойней. Раздумье

— Снять группу охраны. Всю группу давайте на квартиру. И Шилкова обязательно.

Профессор не понимал — что же произошло. В квартире было пятеро чекистов, они тихо сидели в соседней комнате, выходили на цыпочках покурить на кухню. Трояновский убеждал Пылаева: места в квартире много, пусть люди поспят. Пылаев только улыбнулся ему одними глазами: нельзя.

— Со мной что-нибудь должно произойти? — спросил Трояновский.

— С вами — нет.

— Больше вы ничего и не скажете, — шутливо согласился профессор. — Поэтому давайте-ка играть в шахматы...

Прошли сутки. И вот — этот звонок в прихожей.

Все места были уже заранее распределены. Комната, где лежал профессор, имела две двери — в коридор

Так они дошли до сквера.

Сзади подошел Трояновский. Ни слова не говоря, он подхватил раненого и взвалил его на себя. Дробышев удивился: он и не предполагал в своем друге такой силы — научный работник, интеллигент, в очках! Дробышев подумал: это опасность сделала его сильным. Конечно, далеко он раненого не унесет, но в мирное время он и на это не был бы способен.

Они несли раненого по очереди и вечером, когда подошли к привалу, валялись с ног от усталости. Уж на что Дробышев считался человеком выносливым (все-таки сталевар!) — но и он, опустив раненого, почувствовал, как у него мелко дрожат колени, а в глазах вспыхивают и крутятся какие-то оранжевые круги.

Выставив охранение, все заснули. Заснул и Дробышев, раскинув на земле могучие, черные от грязи руки. Но Трояновский не мог уснуть. Широко раскрыв близорукие глаза, он вглядывался в кустарник, подступающий к лужайке, в дальний, открывающийся за полем лесок.

О том, что спрятано у него под рубашкой, знали в отряде двое: Дробышев и Гаврилов. И все-таки он не мог уснуть: пачка скомканных бумаг, почему-то необычайно жестких, словно жгла его. Как это нелепо получилось! Комендант оказался трусом — сбежал, закинув куда-то ключи от сейфа. Пришлось взламывать этот огромный железный ящик: тащить из сварочного цеха два тяжелых баллона и резать металл. Дробышев еще пошутил тогда:

сил (если случится оказия) отправить письмо. Он тут же начал писать его, пристроившись возле пенька.

(«Это письмо не дошло до вас, Ася. Девочка забыла адрес. Но это письмо я тебе покажу после».)

Вдруг грохнули выстрелы. Гаврилов, чертыхнувшись, сунул зажженную спичку в вязанку хвороста и, схватив винтовку, бросился к кустарнику. Пулеметная очередь прошла над головой Трояновского. Он, растерявшись, не сразу услышал, что ему крикнул Гаврилов. И только когда сильные руки Дробышева пригнули его к земле, он понял, почему начальник отряда сначала разжег костер...

Бой длился недолго — да это и не было боем. Люди в куцых серо-зеленых мундирах выскочили на поляну в тот момент, когда Трояновский, разрывая рубашку, вытаскивал из-за пазухи последнюю оставшуюся там тетрадь в клеенчатом переплете. Она только упала на огонь: ударом сапога рослый солдат вышвырнул ее и тут же упал, скорчившись, на землю. Отстреливаться и уходить было уже поздно. Трояновскому крутили руки, Дробышев («Он

был очень сильный человек, твой отец!») сдвинул одного солдата так, что тот, протяжно закричав, обмяк, словно тряпичная кукла. Дробышев не отпустил его, даже когда страшный удар автоматом по голове сбил его с ног.

Он очнулся уже связанным и прямо перед собой увидел какое-то знакомое лицо. «Кто это? Кто-нибудь из отряда?..» Человек улыбнулся ему, и Дробышев вспомнил эту улыбку: Савченко, сменный мастер сталелитейного цеха. Как он попал сюда?

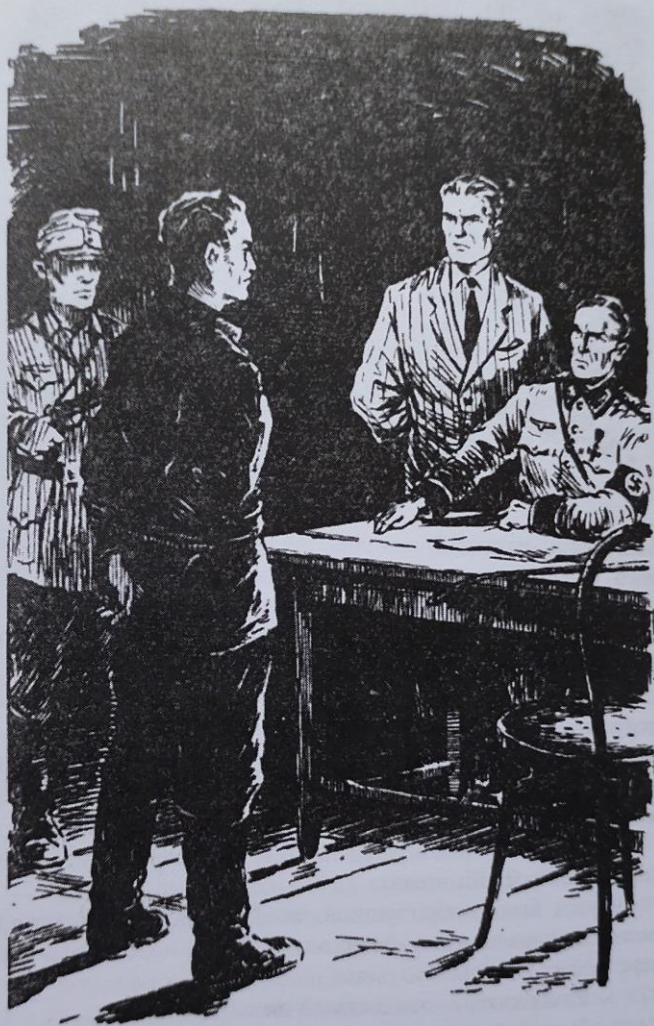
— Ну как — отошел, уральский медведь? — шутливо спросил он у Дробышева.

Шутка была добродушной, но Дробышев не ответил на нее. Рук он не чувствовал: они затекли, перекрученные веревкой.

— Развяжите, — тихо сказал он.

— Пожалуйста, — ответил Савченко. — Эй, кто здесь есть?

Дробышев понял все.

Дробышев стоял перед столом, за которым сидел эсэсовец.

Наконец Трояновский медленно поднялся. В тишине звонко прозвучала пощечина: Савченко отскочил.

— Вот тебе... от русского человека, — задыхаясь, сказал Трояновский. — Больше вы от меня не услышите ни слова.

...Их увели в лес ночью, через три дня. До рассвета они простояли, привязанные к березам. А утром рота эсэсовцев тренировалась в стрельбе, и вскоре, скошенные пулеметным огнем, рухнули эти березы...

Но за ними плотной стеной поднимался лес, шумел по ветру и тянулся в необозримые русские дали...

1955—1956 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Совсем недавно...</i>	5
<i>Твердый сплав</i>	239

Литературно-художественное издание
Библиотека приключений и научной фантастики

Для среднего и старшего возраста

Евгений Всеволодович Воеводин
Эдуард Ромуальдович Талунтис

СОВСЕМ НЕДАВНО...

ТВЕРДЫЙ СПЛАВ

Приключенческие повести

Тираж 40 экз.

*На правах рукописи.
Продаже не подлежит.*

